
Яна Алимова
За час до рассвета
Повести и рассказы
О любви — во всех её проявлениях:
нежной и страстной, счастливой
и горькой, исцеляющей и ранящей...
18+

Яна Алимова
За час до рассвета

https://litres.ru/74874158
SelfPub; 2026

Аннотация

Пять историй о любви, которая приходит неожиданно, о судьбах, складывающихся вопреки планам, и о людях, способных на великодушие и настоящий поступок.

Деревенская девушка, потерявшая надежду на счастье, встречает любовь там, где совсем не ждала. Женщина, оставшаяся с тремя детьми, переживает предательство, но обретает поддержку в неожиданном человеке. Молодая дагестанка борется за право самой выбирать свою судьбу, а русский мужчина становится отцом большой семьи, приняв детей, которых принесла трагедия. Сын священника хранит чужую тайну и учится понимать, что любовь не всегда приходит сразу. А в глухой послевоенной деревне три судьбы переплетаются, чтобы спустя годы привести героев к дому, семье и тихому счастью.

Это истории о верности, милосердии, прощении и втором шансе. О том, что даже в самые темные времена, за час до рассвета, жизнь может подарить свет.

Содержание

За час до рассвета 6
Глава 1 6
Глава 2 14
Глава 3 20
Тяготы любви 26
Глава 1 26
Глава 2 34
Глава 3 40
Конец ознакомительного фрагмента. 44

Яна Алимова
За час до рассвета

Оглавление

2
2
4
6
9
9
11
13
17
17
19
21
23
26
26
28
30
32
34
36
38

39
42
42
44
47
49
51
55

За час до рассвета

Глава 1

В деревне «Березовка» в пятидесятые годы женщин было как грибов после дождя, как, впрочем, и везде после войны, а вот с мужиками все обстояло совсем иначе: почти всех война забрала, а те, что остались живы, — либо к своим женам вернулись, либо давно уже обзавелись хозяйками и детьми.

Претендентов в мужья даже молодым девчонкам не было, а уж бабам — и тем более.

Так и Варя Чернова досиделась в девках до двадцати пяти лет: молодая еще, конечно, красивая, ладная, но с уже уставшим взглядом, в котором было отчетливо видно смирение со своей судьбой.

Мать тоскливо глядела на свою дочь с неустроенной женской долей и вздыхала:

— Варенька, ну ты бы хочь в город ездила почаще. Мабуть, там с кем и познакомилась.

Варя безразлично глядела на мать, вздыхала:

— Мама, а когда мне? Все время на работе. Вы же знаете. А в город мне вроде как и ни к чему.

— Варя, ну с Надюшкой и с Анечкой поехали бы втроем: картину бы посмотрели какую-нибудь, мороженого в сквере

поели. Глядишь, и познакомились бы с кем-нибудь.

— С кем? С хулиганами?

— Ну почему с хулиганами? — опешила мать.

— Мама, потому что у всех приличных мужиков, старше нас или наших ровесников, уже есть жены и дети. Оставьте, мама, свои затеи, — отмахивалась Варвара.

Через два двора жила семья Захаровых. У них было трое пацанов: самому старшему из которых, Валентину, исполнилось девятнадцать лет — тот возраст, когда мальчик становится мужчиной и идет отдать свой долг Родине.

Валентин окончил школу и работал на ферме, где Варя работала телятницей. Были девчонки помоложе, но Валек почему-то на Варю стал

заглядываться всерьез, не по-мальчишески, как раньше, а с тем молчаливым жаром, от которого Варваре становилось неловко, и, чтобы как-то спрятать свое смущение, она покрикивала на парня:

— Чего вылупил зенки? А ну займись делом! Глаза, гляди, не сломай!

Но Валек и не думал отступать, а, наоборот, с каждым разом все пристальнее разглядывал Варвару, все чаще останавливая свой взгляд на ее пышной груди.

Доярки и телятницы, видя интерес хлопца, только посмеивались да подшучивали.

— Гляди, Варька, он на тебе дырку проглядит, — кричала одна.

— Валек, а Валек, на меня тоже глянь, а? Да нет, куды уж мне. Не тот размер, — смеялась другая, худая плоскогрудая Прасковья.

Варвара хохотала вместе со всеми. А Вальке все нипочем — пожирает Варвару глазами, да только на том и все — так никуда дело и не двинулось.

Вскоре Варя и сама не заметила, как стала искать его взгляд, улыбаться и, проходя мимо, будто невзначай касаться крутым бедром.

Он был еще почти пацан, тонкий, но плечистый, с руками, уже знавшими работу, и с глазами, которые на нее смотрели так, будто никого другого на свете и не было.

А дальше все пошло как во сне — в клубе танцы были под Новый год, а потом девки и пара парней решили дальше гулять у Ани Вороновой — она одна жила: родители померли.

Там, конечно, как водится, выпили самогонки — кто-то из ребят притащил, — захмелели, и Варя сама увлекла Валентина в Анину светелку, тихонько спросив разрешения у хозяйки. — Завидую я тебе, Варька! — кивнув, прошептала Анюта.

— Ой да ладно тебе! У него никогда не было, у меня тоже. Получится ли?

— Получится! — махнула рукой Анна. — Только вы еще выпейте для смелости.

Получилось…

Варвара проснулась в то утро счастливой: стала женщи-

ной. «Еще бы ребеночка родить», — мелькнула мысль.

Валек спал рядом, посапывая так же, как Варин младший брат Сашка. Варвара застеснялась самой себя: «С ребенком миловалась. Господи, прости ты мою душу грешную».

Варя была комсомолкой, но когда требовалась защита или прощение, то обращалась не к Ленину, а к Богу, как и многие в деревне.

С того самого дня Валек и Варвара стали встречаться по-настоящему, как пара. Валентин готов был владеть Варей каждую минуту. В коровнике он частенько зажимал ее в темном углу и неистово зацеловывал, шепча такие слова, от которых у Варьки кружилась голова. Она для порядку строжилась и называла Вальку охальником. Мысль затяжелеть сопровождала Варвару неотступно, но беременность не наступала.

А весной его забрали в армию, и Варвара, обняв любимого, тихо сказала:

— Ждать тебя буду!

И тут же сложила в уме двадцать пять и два и вечером поделилась с матерью:

— Мама, пока Валька вернется, мне уж двадцать семь будет.

— Охохоюшки, доченька. Дак всю равно нет никого. Двадцать пять аль двадцать семь — какая уж разница.

И пошли письма в Березовку, а из Березовки в Амурский край, где служил Валентин.

Он писал редко, сдержанно, коротко, по-мужски, про казарму, про то, как идет служба и как часто он думает о ней.

А она ему про деревню, про телят, про то, как с девчонками на покос в соседнее село ходили и как розы у крыльца этой весной зацвели так пышно, что все бабки ахали.

Он никогда не писал про любовь, но между строк читалось. Варвара писала всегда, как его сильно любит и как ждет.

Время шло, и жизнь шла со своими заботами и делами. Как-то Варе пришлось поехать в город — мать приболела, фельдшер прописала лекарства, а в Березовке аптеки отродясь не бывало.

В городе, посреди уличной суеты, зазевавшись на витрину, Варвара едва не угодила под грузовик. Машина резко затормозила, из кабины выскочил мужчина — взрослый, лет сорока, с тяжелым, но обеспокоенным взглядом.

— Ну куда ж ты прешь? — спросил грубо, помогая Варе подняться. — Мокрого места бы не осталось от тебя. Хорошо я, а был бы какой пацан за рулем. Все! Пиши пропало. У нас на автобазе нынче пацанов набрали зеленых. Опыта никакого. А что делать? Как тебя звать-то? — спросил чуть поласковее, увидев, что девушка готова расплакаться.

— Варвара, — ответила и все-таки разревелась горько, да так, будто и правда придавил ее грузовик.

— Ну будет, будет тебе! — шофер слегка приобнял Варю. — А меня Игнатом зовут. Нигде не болит? — спохватился

он. — Упала все ж таки.

Варя покачала головой. Она никак не могла успокоиться — сильно испугалась.

— Ты где живешь? Давай до дома довезу.

Варвара, всхлипывая, сказала:

— Домой далеко. В Березовке я живу. Знаете?

— Нет.

— В аптеку мне надобно, а потом только домой поеду.

— Ох ты горе мое луковое! Ну поехали, отвезу тебя прямо в центральную. По пути мне. Повезло тебе.

— Правда? — Варя улыбнулась и так посмотрела на Игната, что у него все нутро перевернулось несколько раз и, кажется, забыло встать на место.

— Правда. Айда, — позвал как можно спокойнее, но сердце не хотело успокаиваться, оно почуяло ту единственную, которую ждало после гибели любимой жены в сорок четвертом. Игнат вернулся, а Катя осталась где-то под Гомелем.

Он помог ей сесть в кабину. Вокруг грузовика уже собрались люди и галдели со всякими предложениями.

— В больницу ее надо.

— Чего ж поперлась?

— А глаза-то где?

— По переходу надо.

— Вот деревня!

Игнат хотел было всем им ответить сразу, но не стал и лишь сдержанно сказал:

— Граждане, расходимся, не задерживаемся. У нас все в порядке.

В машине он часто бросал на нее короткие взгляды, а она вдруг почувствовала себя юной девушкой. И это чувство было такое приятное, томлением разлившееся по всему телу.

На память тут же пришло то время, когда она крутила любовь с Валентином и всегда чувствовала себя не то чтобы матерью, но старшей сестрой точно.

А тут все наоборот. Варя вмиг ощутила свою слабость и силу Игната. А он будто бы в подтверждение ее мыслей вдруг сказал:

— Из аптеки буду ждать тебя, а потом довезу до автостанции. А то не ровен час — опять попадешь куда-нибудь.

И было в его словах столько заботы, теплоты и нежности, что Варя снова заплакала.

Он глянул, тут же остановил машину и спросил беспокойно:

— Все-таки болит где-то?

Она кивнула.

— Где? — подался к ней с волнением.

— Вот здесь, — и бедная девушка указала на сердце.

А он впервые посмотрел на красивую Варину грудь и остолбенел. Но быстро заставил себя отвести взгляд.

— Да как же? Ты ж вроде на коленки упала?

Варя кивнула:

— Не знаю, болит, и все.

— Давай тогда сейчас валидолу купим. Или что там еще продают-то от сердца?

Глава 2

Лекарство Варя купила, как и собиралась. Вышла, а Игнат около машины курил, ее ждал. И снова Варваре так хорошо сделалось, как никогда раньше.

Мужчина помог ей забраться в кабину, сам быстро сел за руль и с тоской посмотрел на Варвару:

— Ну что, теперь на автостанцию?

А самому хотелось кричать другое: «Никуда я тебя теперь отпускать не хочу! Моя ты! Моя! Сердце вон как в груди ворочается. Волнуется!»

Варя кивнула, а самой хотелось сказать: «Не хочу домой, а хочу еще рядом с тобой побыть, теплом твоим погреться. От заботы твоей сердцем оттаять».

Только сейчас Варька поняла, что растопил Валентин ее тело, а вот сердце не смог. А Игнат сумел… так быстро.

Он ехал медленно, будто хотел оттянуть минуту разлуки. Ругал себя взрослый мужик: «Да чего ж я как дурак, пацан мелкий. Ведь уедет сейчас, и никогда больше не увижу!»

Но язык будто прилип к небу, не ворочался.

На автостанции Варя поблагодарила его коротко, но долго посмотрела, словно ожидая чего от мужчины. Но не дождалась.

Только когда автобус уже тронулся, вдруг такая тоска разлилась у нее внутри, захотелось крикнуть водителю, чтобы

остановил, выскочить, кинуться к Игнату на грудь, прижаться, прилепиться так прочно, чтобы уже никто и никогда отлепить не смог.

Варя вдруг вспомнила, как бабушка читала Священное Писание: «Оставит человек отца своего и мать и прилепится к жене своей».

«Все мужчина решает, к кому прилепиться. Видно, он не захотел ко мне лепиться», — тоскливо подумалось Варе.

Дорога домой будто прошла мимо нее: смотрела в окно, а ничего не видела. И разговоры в автобусе тоже мимо — ничего не слышала. Все как в тумане, и, что было прежде важным — будто стерлось, обесцветилось, распалось на мелкие, несвязные детали, собрать воедино которые уже нельзя. Да и незачем.

И пока автобус катил по ухабам, а пассажиры что-то говорили, смеялись и даже пели, Варя сидела в своей тишине — такой глубокой, будто оказалась внутри себя. Там, где не спрятаться за улыбкой, не соврать себе, не отвлечься. Там, где осталась одна-единственная правда: она не хочет обратно в ту жизнь, где письма есть, а счастья нет. Где надежда есть, а любви нет.

Приехала, и будто не в родную деревню. Все какое-то чужое, неприветливое.

Бабка Сима буркнула что-то, проходя мимо. Дед Гордей вообще не ответил на приветствие. Никому здесь нет до нее дела. И даже мать всегда с какой-то тягостью смотрит, взды-

хает, качает головой.

Но мать встретила приветливо, улыбнулась:

— Варюша! Ну как ты съездила? Познакомилась с кем?

«Откуда она знает? — вспыхнула Варя. — Да не знает, просто спрашивает. Не, хорошая у меня мамка, любит, беспокоится».

Варя обняла мать и зашептала на ухо:

— Лекарство вам купила. До аптеки меня на грузовике подвез один…

Мать то ли счастливо то ли беспокойно взглянула на дочь:

— И чаво?

— Ничаво. Довез и все.

— Письмо от Вальки было сегодня. На комод тебе поклала.

Еще вчера сердце бы запрыгало от радости, а пальцы бы дрожали от нетерпения и предвкушения. Но сейчас Варя даже сморщилась, внутри будто что-то щелкнуло. Все! С Валькой больше ничего не будет.

…Письмо от Валентина, оставленное матерью, лежало на столешнице комода. Светлый конверт, крючковатый почерк. Варя посмотрела и отвернулась.

— Дочка, что с тобой? — мать тихонько зашла в комнату, присела на кровать. — Почему письмо не читаешь? Что случилось?

Она не знала, как объяснить матери, что с нею произошло, потому что сама не знала, а просто банально рассказать что

случилось — не хотелось. Ведь сегодня ее сердце выбрало, но тут же потеряло. Но от этой потери не было слез, а какое-то внутреннее спокойствие и свет.

Варя помолчала, потом попросила:

— Мам, а расскажите… как вы с батей познакомились?

Мать улыбнулась спокойно, с теплом.

— Познакомились. Смешная ты, Варюша, у меня. Мы с ним с рождения друг друга знали. Как все в деревне.

— Мам, ну как у вас… получилось… Как вы поняли, что любите?

— Батя твой такой неловкий был, — мать вся засветилась. — Стеснялся меня, а потом вдруг осмелел… летом дело было… покос был, а потом танцы в клубе. Ну вот там…

Варя слушала, как мама рассказывала дальше: как потом гуляли вместе, за руку держались, к реке спускались, там целовались… помогал во всем… свадьба была шумная. Девки плясали, парни на руках их таскали. Бабы постарше пели, мужики напились.

— Никогда он мне про любовь не говорил. И я ему — нет. Но я знала, что он меня любил.

— А вы, мама?

— А я и сейчас его люблю шибко. Шибко…

Варя молчала. Мать посидела еще недолго и ушла к себе, поняла, что с Варей сегодня в городе что-то произошло. Но расспрашивать не стала. Захочет — сама расскажет.

А Варя легла в постель, закрыла глаза и сразу увидела Иг-

ната. Вот она любовь… настоящая.

Не сеновал и не письма наспех, не тайком украденные свидания и не пустые обещания. А забота, тепло, взгляд, помощь, беспокойство. И когда не страшно, даже если больше уже ничего и никогда не будет…

Письмо Вальки все также лежало на столе, нераспечатанное, непрочитанное…

…Ей снился Игнат. Он смотрел на нее… долго… нежно. Он молчал, а она слышала его слова. Слова, сказанные сердцем. И она отвечала ему… тоже сердцем. Им не нужны были слова. Они слышали друг друга сердцами.

Проснувшись, как всегда до свету, Варя тихо, почти шепотом, сказала в темноте:

— Спасибо тебе, судьба, что дала мне эту встречу. Хоть на час, но дала. Теперь я знаю, как это бывает — по-настоящему.

Варе очень хотелось сказать — спасибо тебе, Бог, но она не посмела. Комсомолка.

…Жизнь пошла своим чередом, но будто не своим. Варя теперь не металась между надеждой и обидой, не ловила себя на пустых ожиданиях, а просто жила. Утром — работа, вечером — домой. По выходным — по хозяйству. Все как прежде, но по-другому: счастливо.

Она не ждала, что он приедет, не строила планов, не держалась за надежду, она держалась за любовь.

Варя больше не металась между письмами и снами, не

вспоминала каждое слово Валентина, как раньше. Она будто научилась жить без обещаний — и в этом, странным образом, обрела покой.

Спокойствие пришло настоящее, не как раньше — когда старалась себя уговорить, что все хорошо, а теперь оно будто само в ней жило.

Но все равно в груди теплилось: вдруг не конец? Вдруг еще встретятся?

Глава 3

Так прошел месяц — вот-вот должен был вернуться Валентин, а Варя так и не прочитала то его письмо, да уж и еще одно пришло. Но она не переживала. О чем? Разве переживают, когда счастье?

Вернулся он в сентябре, вся деревня гудела. Захаров дома, скоро свадьбе быть. Давно свадеб не гуляли в деревне.

Варя вышла к калитке, как всегда мечтала, только вот сердце… сердце молчало. Ни дрожи, ни радости.

Вот он стоит рядом: возмужал, настоящий мужик, вырос даже. Красивый, но не ее он, а она не его. Варя это сразу почувствовала. Взаимно это!

Смотрит на него — родной, близкий, хороший, да не тот. И он — смотрит, и будто сразу понял все то же, что и Варвара без слов поняла.

— Ну как ты, Валек? — спросила ласково.

Ведь надо же о чем-то говорить. Варвара не беспокоилась, не суетилась, не смущалась. О чем переживать? Ждала честно, дождалась, да только ничего не задастся.

— Хорошо, Варенька! А ты как?

— И я хорошо! — смело глянула ему прямо в глаза, обвила руками шею и зашептала на ухо:

— Валька, родненький. Я ждала тебя, правда. Все село знает… да и не с кем не ждать-то было. Сам знаешь, поди.

— Знаю, Варечка. Знаю… — и он заговорил быстро-быстро, будто торопился, потому что боялся передумать: — Генерал у нас был, старый уже, на пенсию скоро… внучка к нему приехала… Арина. Я не хотел… Варь, прости, черт попутал меня… не знаю, что со мной произошло. Я как будто дураком стал… избегал ее… да все зря. Зря, Варя, понимаешь? Зря избегал…

Ничего внутри Варвары не шевельнулось, как ни прислушивалась: ни ревности, ни обиды, ни злости, а лишь понимание.

— А у меня… Игнат был... да только ты знаешь, где твоя Аришка, а я нет.

— Как так? — опешил Валентин. — Какой еще Игнат?

И Варя рассказала Валентину все, что даже матери не решилась. И про то, как в город поехала, и как чуть под колеса его машины не угодила, и как он ее в аптеку повез, а потом на автостанцию:

— И все! — улыбнулась Варя. — И с тех пор я живая стала, понимаешь меня?

Валек кивнул. Понимаю, мол.

— Варь, а как же теперь, а?

— А ты напиши ей, а потом ехай.

— Варь, да я не про себя, я про тебя.

— Про меня? За меня не переживай. У меня все путем. А ты Арише напиши и ехай, привози ее сюда…

Он улыбнулся и обнял как друг. Нет, как младший брат,

благодарный старшей сестре.

— Спасибо тебе, Варя, за все! Хорошая ты.

— И тебе спасибо, Валька. Ты тоже хороший, ты был мне надеждой. Пока письма шли, пока тебя ждала… Теперь надежды нет, но есть любовь. А с ней можно дальше жить.

Варя не чувствовала потери. Напротив — будто расправились плечи, и все стало на свои места: без боли, без недосказанности. Легко. Чужое ушло, свое вернулось, а может, и впервые по-настоящему пришло.

После того разговора с Валькой прошло совсем немного времени, и вот однажды, возвращаясь домой с работы, Варя вдруг остановилась как вкопанная, — солнце слепило, било в глаза, но машину, стоявшую на обочине, она бы узнала из тысячи. Нет, не узнала! Она ее почувствовала, потому что в ней был он. Игнат.

Сердце подпрыгнуло так, что ей стало страшно — а вдруг сейчас она умрет, так его и не увидев хотя бы еще раз. Но нет, не умерла, увидела. Он спрыгнул на землю. Он! Игнат!

Он увидел ее — и тоже замер. Потом медленно подошел.

— Здравствуй, Варя, — сказал и отвел глаза, будто боялся смотреть на нее.

Варя хотела что-то сказать, но только губы дрогнули, не смогла. Он засмеялся — тихо, счастливо, как будто сдерживался.

— Да как же вы меня нашли? — все-таки прошептала.

— Дуреха, — ответил он тоже шепотом. — Ты ж сама

сказала — из Березовки. А я тут недалеко был… ну вот и заехал.

Он смотрел на нее так, как смотрит человек, который держит себя из последних сил. Руки сжимал в кулаки, будто боялся, что не удержится и стиснет в объятиях.

— Ты, если что… ты не думай, я ж не знаю — муж, может, у тебя, или жених. Так я это… — начал он, потом смущенно потупился. — Я просто увидел поворот, смотрю «Березовка», подумал: дай сверну… заеду. Варя, ты только скажи, я мигом… сейчас же в машину прыгну…

Варя стояла напротив — сердце стучало так, что она не успевала дышать. Он шагнул ближе, она тоже. Еще мгновение — и они в жарких объятиях друг друга.

Она плакала и шептала:

— Почему так долго… так долго… почему… ты не ехал?

— Варь, я знаешь, сколько тут кружил… потом передумал… потом вернулся, Варь. Все думал: может, и не вспомнит. А сам вот — не могу забыть тебя. Не решался…

— Чтобы вспомнить — надо забыть, а я не забывала, Игнаша, с той самой минуты… не расстаюсь с тобой… Мне как-то бабушка говорила, что самая темная ночь за час до рассвета… а потом светло. Игнат, рассвет ты привез мне, светло мне теперь.

…Игнат забрал Вареньку в город, а Валентин привез в деревню Арину. Хорошая оказалась девушка: спокойная, работящая.

Через год у Захаровых родился сын. Назвали Иваном, в честь деда. Посмотреть на правнука приехал прадедушка-генерал с дочкой — мамой Арины.

Неожиданно между генералом, который был давно вдовцом, и матерью Варвары сложились отношения, и Иван Демидович попросил разрешения у Клавдии Петровны остаться. Та не возражала.

Варвара в городе окончила медучилище, Игнат настоял, и стала ездить на скорой помощи. Да недолго пришлось. Вскоре забеременела и родила чудесную девчушку — Валечку.

Варвара думала, что Игнат будет против имени, ведь она честно рассказала ему свою историю. Но Игнат крепко обнял и сказал:

— А ведь я обязан твоему Валентину и его жене Арине. Не сложись у них — может, и не было бы у нас с тобой ничего. И Валюшки не было. Так что вторую дочку назовем Ариной! Непременно.

— Откуда ж ты знаешь, что дочка будет? — засмущалась Варя. — Может, сын?

Но Игнат будто в воду глядел. Через два года еще одна доченька родилась, и обещание свое Игнат исполнил — назвали дочурку Аришей.

С Захаровыми крепко дружили, хоть и был Валек младше Игната на двадцать лет, и тот в отцы ему годился, а все равно друзьями стали.

А Захаров Иван, повзрослев, ни на кого, кроме Валюши, и

не смотрел. Только исполнилось ей восемнадцать, стали они мужем и женой.

А Валентин с Аришей, женив сына, загрустили, да недолго их тоска длилась: родила Ариша еще дочку.

Посоветовавшись с мужем, настояла на том, чтобы Варей назвать. И сказала она тогда своему мужу почти те же слова, что когда-то Игнат своей жене:

— Знаешь, Валечка, я ведь в неоплатном долгу перед Варей и Игнатом. Не встреться они тогда в городе, и не было бы у меня ни тебя, ни Вани, ни Варечки, — Арина с нежностью посмотрела на посапывающую у ее груди девчушку.

Темно за час до рассвета, а потом встает солнце и освещает, и греет, и любит нас всех…

Тяготы любви

Глава 1

Утро в деревне начинается с запахов, и в зависимости от времени года, то дымком печным потягивает и мокрыми невысохшими, забытыми в сенях варежками, то дыханием квашеной капусты из подпола, то скошенной травой и яблоками.

Над избой Зинаиды курится тонкая струйка дыма — это дети раньше встали, печь затопили, чайник греют, как велено.

Зинаида — женщина невысокая, крепкая, будто выструганная из дуба, с лицом не старым еще совсем, но уже усталым, с морщинками, пятнами, будто подпалинами.

Трое детей у нее — Митька, Вера и Павлик. Митьке пятнадцать, Вере тринадцать, Павлик еще мал, но не из тех, что вечно под ногами путаются

Дети все делают сами, с малых лет приучены и знают: мать их — как лошадь рабочая. С утра на ферму — телят поить да кормить, навоз выкидывать, а после — бегом в сельсовет.

Там она за печатной машинкой сидит, пальцами с трещинками по клавишам резво стучит. Печатает приказы, справки, похвальные листы — все, что велят, все, что секретарша за

день не успела.

— Зина, ты уж поосторожнее, — как-то бухгалтерша вдруг сказала. — Два места тянешь — не железная ведь.

— А кто, если не я?

— Да брось, на тебе лица нет.

— У меня дети есть, — просто ответила Зина и поставила новую ленту в машинку.

Живут не богато, но ладно. В доме чисто, на огороде все посажено, прополото, подвязано. Обед — всегда есть. Щи или лапша куриная, картошка с укропом, ржаной хлеб.

Когда вечером мать возвращается домой, уставшая, смурная, — дети уже встречают. Тихо, без шума. Павлик подает тапки, Вера стол накрывает. Митька плечо подставит, если видит: мать клонится от усталости. И не говорят ничего особенного, просто глазам радостно — она пришла.

Судьба у Зинаиды — не редкость, да только от этого не легче. Муж у нее был — Егор. Высокий, смуглый, с глазами упрямыми, как будто бы вечно спорил со всем светом, даже когда молчал.

Сначала любил ее — не скроешь. Митька родился — на руках носил. Веру как данность принял. Рождение Павлика даже не заметил. А потом и вовсе стало чего-то не хватать: то ли простора, то ли удачи, то ли самого себя.

Он и уехал — будто ненадолго. В город.

— На шабашку, Зин, подамся. Денег подкопим — машину куплю.

А она и верила, а почему ж нет? Муж же все-таки. Честный был, хоть и своенравный. Да видно, город его перемолол — как мясорубка.

Сначала письма шли радостные: на работу, мол, устроился. Потом реже приходить стали. На трудности больше не жаловался. Сухие какие-то письма стали. Потом и вовсе исчезли. А денег Зина от мужа так и не дождалась.

Пробовала искать, детей на бабку Агафью оставляла, да только толку чуть. Где ж его найдешь, коль на конверте «до востребования» указано.

А потом смирилась — нет его больше в ее жизни. Ничего не поделать. Жив ли, не жив — как узнаешь? Есть дети — надо кормить. Есть огород — надо обихаживать. Есть корова Дуся, которой тоже надо — чтобы утром задали, чтобы подоили.

Стала жить, без надрыва, без жалоб, но с таким внутренним упорством, какое редко встретишь даже у мужчин.

…Да как-то Зойка, сельская балаболка, вернулась из областного центра — в больницу ездила на обследование.

— Зинка, слышь, — заорала, подойдя к калитке, — а я твоева видала в городе-то. Ага!

Зинаида даже не сразу поняла:

— Кого это?

— Во дает! Так Егорку твоева. Он в городе теперь — вроде как человек. Машину купил. Синяя, блестит, окна — хрен чево увидишь скрозь них. Ага! Стоял у больничного крыль-

ца. И ты знаешь, ладный такой стал. Щеки гладкие, одеколоном пахнет от яво. Понравился мне запах-то. Вот бы и Сенька мой так пахнул. Ага. А то от моева вечно перегаром разит. Так вот. Я сперва даже не признала твоева.

Зина молчала. Только будто кто на плечи враз сел. Так тяжело стало. Губы задрожали. Отвернулась от Зойки и дальше тяпает, а слезы уже ручьем — не остановить.

Зойка умолкла, но потом не удержалась:

— А я ему, охломону твоему, и говорю: «Хочь рублик дай ребяткам. Передам».

А он, представляешь: «Нет, — говорит, — с собой ни копья».

И глаза такие… не то чтобы стыдно, а как будто все равно ему. Ага.

Зинка выдохнула тихо — будто из нее воздух весь вышел. Вся сжалась, как вымороженная рябина. Стоит, не двигается. Только губы еле шевельнулись:

— Живой, значит… вот и хорошо.

Повернулась к Зойке резко, лицо — камень, голос — сталь.

— Все сказала? Ну и катись домой. Нечего тут рот зря проветривать. У меня дел — выше крыши. Давай-давай отседова.

Зойка глаза выпучила:

— Вот малахольная! Да мне жалко тебя, и ребяток твоих… — платок поправила.

— А мне жалость твоя без надобности.

Зоя хмыкнула и молча ушла, поняла, что переусердствовала.

А Зина вдруг словно сгорела изнутри — дыхание как от обжигающего ветра, а взгляд — с прищуром, острым, как у зверя, у которого отнимают нору.

Вошла в дом, метнула суровый взгляд по сторонам. Дети присмирели — никогда мать такой не видели.

— Почему пол не подметен? — бросила резко Зинаида. — Что за бардак устроили?

— Мам, я подметала, — тихо сказала Вера.

— А белье? Почему не глажено? Что я, за вас все должна? Оглоеды. Помощи от вас никакой.

А белье уже аккуратно сложено в лукошке, и пол был чист, и обед теплый ждал, но Зина не слышала, не видела — только говорила, и в каждом слове звенело: «Почему ты нас бросил? Почему ты даже рубля не оставил?»

Павлик, младшенький, первый понял: что-то не так. Он подошел, обнял мать, прижался лбом к ее животу, уткнулся, как теленок в бок коровы:

— Мамочка, не плачь… Я с тобой…

Зина села на лавку, крепко, обеими руками, обняла его, будто спасалась его теплом. Вера подошла тоже, присела рядом, положила голову ей на плечо. Митька молча стоял в дверях, высокий, почти мужчина, и просто стоял — будто стена.

А Зина плакала внутрь себя и кричала тоже молча: «Кому вы нужны, мои дети? Если меня не станет — кто вас защитит?»

И сердце било в висках, и перед глазами — то синяя машина, то мужское лицо, гладкое, чужое, сытое.

Ночью, когда все стихло, дом дышал ровно, дети спали в комнате — она вышла. В одном халате, босиком, дошла до бани, села на лавку под липой, и вдруг, как надломилось в ней — разрыдалась громко, надрывно, как смертельно раненый зверь.

Так бабы плачут только тогда, когда надеяться уже совсем не на что. Одна, одна навсегда.

Слезы текли сами — за все сразу: за рублик, которого не дали детям, за Веру, у которой ни одного нового платья, за Митьку, у которого ботинки латанные, за Павлика, который слишком мал, чтобы понимать, и слишком чуток, чтобы не чувствовать.

И за себя. Потому что, когда все держишь — некому подержать тебя.

— Ну и что? — шептала Зина, утирая лицо ладонями. — Ну и что теперь?

Слезы капали на землю, а земля принимала — молча, без упрека.

…Лето стояло знойное, с паром над полями и запахом трав. В деревню приехали строители — школу новую поднимать. Барак им отвели за клубом, там же кухня, душ, столо-

вая. Мужики всякие: кто лысоват, кто плечист, кто и вовсе рябой. Кто ж приличный в шабашники подастся?

И был среди них один — не деревенского пошиба. Александром звали, а в бригаде — Саныч. Статный, всегда в чистой рубахе, как ему это удавалось?

Говорил спокойно, с уважением, голос ровный, приятный. Глаза прищуренные, внимательные. Умел слушать всякого.

Сначала просто здоровкался:

— Добрый день, Зинаида.

А потом начал задерживаться у ее калитки. То воды попросит, то огурцов купит с огорода.

Улыбался, и от той улыбки у Зины будто щеки разогревались — как у девчонки.

Не то чтобы влюбилась. Но в душе что-то ожило, встрепенулось. Теперь она шла и спину ровнее держала. А вдруг Саныч встретится на пути? И волосы расчесывала чаще. Даже хну купила в сельпо и седину закрасила.

А вечером перед зеркалом — будто впервой себя увидела: лицо усталое, но не потухшее. Глаза красивые, шея тонкая, волосы еще ничего, брови бы выщипать, как у Ленки-секретарши. А ведь была когда-то красавицей.

Дети улыбались:

— Мам, тебе этот, со стройки, нравится?

А Зина отмахивалась.

— Глупости. Дел у меня мало, чтоб на такое отвлекаться?

Но сердце, сердце… Стало колотиться не как прежде —

не усталым туком, а как-то живо, трепетно, весело.

Глава 2

А соседка Агафья, старуха с глазами колкими, как лед весенний, все наблюдала. Да вот как-то раз, стоя у ворот, выдала:

— Зинка… Тебя он греет, не спорю. Только ты, дочка, головой подумай. Мужик-то ладный, да не может быть, чтоб один. Красавец такой да без жены? Да без детей? Сказки это. Не поверю.

Зина опустила глаза. Словно заноза в душу вошла. Но вытаскивать не спешила. Больно было… но и сладко тоже.

А он как-то снова вечером подошел — аккуратно, не напрашиваясь. Остановился у ворот, как будто просто мимо шел, но взгляд у него был решительный, будто он в себе что-то определил.

— Зинаида, можно с тобой поговорить?

Она затрепетала, вытерла руки о фартук, отворила калитку: заходи, мол.

Саша помолчал, потом — как вздохнул глубоко и прямо сказал:

— Зина… Я вот думаю: слышала ты, что соседка твоя шепчет, не утаишь.

Она нахмурилась, но он не дал вставить ни слова:

— Правильно говорит тетка Агафья тебе. Жена у меня была. Не умерла — живая, здоровая. Дочь у нас. Только я

ей стал не нужен, когда понял, что инженером мне не стать. Я руками умею, а не в бумагах. Строю, чиню, кирпич кладу. Денег приношу, но не те, что ей надо.

Он глянул на Зину — прямо, без ухищрений:

— Инженера она нашла себе. Красивого, с машиной. Галстук носит. А я так и не привык. И ушла. А я? Да вот, строю школы, хожу по селам теперь.

Замолчал, а потом еще добавил тихо:

— Так что ты не бойся. Я к тебе не с фокусами. Если приглянулся — хорошо. А если нет — не обижусь. Только чтоб честно было, без этого — женат-неженат.

И снова замолчал. А Зина стояла, слушала, и будто что-то оттаивало в ней. Как земля после зимы — еще жесткая, с комьями, но уже пахнет теплым.

Не улыбнулась, не вспыхнула, не бросилась в разговор. Только кивнула:

— Спасибо, Саша, за правду.

А сама потом весь вечер ходила по дому тихо, будто в первый раз в своем собственном доме. И даже платок надела с вышивкой — тот самый, который берегла на случай гостей. Хоть никто и не пришел.

Следующим вечером Саша снова пришел и задержался — сидели на лавке, смотрели, как солнце мягко ложится за черемуху. Говорили обо всем и ни о чем, молчали. Но тишина у них была полнее, чем слова.

И вдруг Зина:

— Саш, чай не по восемнадцать нам. И мамки у меня в хате нет. Ну чего тянуть-то? Переходи ко мне.

— Правда? — глаза у него загорелись, как у мальчишки.

— А чего ж? Дети у меня хорошие. Примут тебя.

Он только того и ждал. На следующий же день перенес свой нехитрый скарб: тюфяк, сумку, чайник алюминиевый, кружку, ложку.

Зина лишь рассмеялась, увидев посуду.

Так и стали жить. Саша утром — на стройку, к восьми. Возвращался — пыльный, уставший, с тяжелым запахом мужского пота. А для Зины запах этот приятнее любого одеколона был.

Уставший, но с хлебом — всегда покупал буханку и плитку шоколада, молча клал на стол.

Зина все так же крутилась между фермой и сельсоветом — глаза вечером красные, ноги гудят, но у печки стоит, не жалуется. Петуха зарезала — лапши наварила, домашних яиц утром нажарила, пирогов в выходные напекла.

Дети приняли Сашу спокойно. Митька присматривался, но потом одобрил. Павлик звал его «дядя Саша» и тянул за собой в сарай — показывать кроликов. Вера чуть сторонилась и все больше в своей комнате сидела по вечерам.

Бабка Агафья снова не прошла мимо. Встретила Зину у колодца, прищурилась, клюкой в землю постучала:

— Ну что, Зинка… Петуха ты ему сварила? Лапши намесила? Пирожки стряпаешь — у него уж пузо округлилось. А

он тебе чево?

Зина выпрямилась:

— Так зарплаты еще не было, ежели ты об этом тетка Агафья. Сказал — как будет, принесет.

Агафья хмыкнула, головой качнула, проскрипела:

— Принесет. Ишь ты! Ну гляди, гляди… баба ты справная, детей тянешь, но… чтоб не вышло как с первым. Эти мужики… сначала как коты трутся, а потом — хоть плачь, хоть в суд пиши.

— Тетка Агафья, — сказала устало, — не всякий мужик — беда. Бывает, и от бабы беда.

— А все одно, — буркнула старуха. — Слезы чьи текут потом? Не мужские же.

Зина ушла, не огрызаясь. А в голове засела заноза: не потому что не верила Саше, а потому что жизнь научила — доверие штука хорошая, но денег в кошелек не прибавит.

…Зарплату выдали в пятницу — весь поселок знал. Мужики из бригады шли веселые, с пакетами, кто с тортиком, кто с бутылкой, кто с колбасой. Пыль на сапогах не мешала радости.

А Саша — будто бы исчез. До самого позднего вечера не было его. Пришел, когда уже сумерки сгущались. Тихо открыл калитку, прошел в дом, с порога снял кепку, взгляд потупил.

Он сел, сапоги не снял, руки трясутся. Зина вгляделась — будто не мужик, а мальчишка провинившийся. Хотела ска-

зать строго — а слова застряли.

— Зин… — начал да запнулся. Голову руками обхватил, вроде как заплакал даже.

Она сразу поняла. Сердце у нее не жесткое, голова не глупая, сразу все нити схватывает.

— Не принес? — спросила спокойно, без укора.

Он только головой кивнул. Глаза блестели, не от света — от слез, которые сдерживал, как мальчишка, у которого сломалась игрушка, а он не хочет быть слабым.

— Дочка… моя… там… в больнице. Понимаешь… Температура под сорок, воспаление легких. Жена плачет. Зин… Я все деньги отправил. Я давно ничего не отправлял… а вот теперь. Пойми, Зин.

Пересел с лавки на табурет, к столу, руки на колени, будто в суде ждет приговора.

Зина подошла, положила ладонь на его плечо.

— Ничего, милый мой. Прорвемся. Еда есть, крыша над головой есть, дети живы — и слава Богу. А ты не бойся, ты теперь не один. Вместе все решим.

И как сказала это, сама удивилась: будто приняла его уже — до конца, без оглядки. Хоть в горе, хоть в радости.

А наутро — снова Агафья, словно в землю вросшая, стоит у забора, глаз не отрывает от Зины, прищурилась.

— Ну что, Зинка? Принес? Все мужики вчера зарплату получили. Говорят, что и премия была.

Зина взглянула бабке прямо в глаза, не таясь:

— Дочка у него хворает. В больнице лежит.

— Видишь, как бывает? У него дочка — деньги туда. А у тебя что, щенята рази, не дети? Их кормить не надо?

Зина отвернулась, но ответила не сразу, а только когда шагнула к калитке, словно из сердца достала:

— У него — больна. А у меня — здоровы. Слава Богу, тетка Агафья. Пропусти меня, — отодвинула бабку, небрежно так, будто какую ненужную вещь с пути своего убрала.

И пошла. Прямо, ровно, как идет женщина, которая уже не в первый раз в жизни выбирает — не потому что так проще, а потому что иначе нельзя.

…Прошел еще один месяц, и снова зарплата. И снова Саши нет к ужину. Вернулся поздно, когда тень от фонаря длинная, шаги осторожные, будто крадется.

Зина на лавке сидела, мочи не было в доме ждать. Что теперь? Дочь давно выздоровела. Слава Богу. Храни Господь всех детей.

Саша подошел, присел рядом.

— Зин, понимаю, уже смешно и глупо выгляжу. Но так бывает. У матери крыша потекла. Там шифер старый, с войны еще. В горнице вода по стенам… Ну я не мог иначе, Зин… это ж мама моя!

И замолчал и не смотрит. А что говорить? Все и так ясно.

Зина не ответила, в голове пусто, в груди тяжело — как будто не воздух, а мокрое тряпье к носу прижимает.

Сашка к ней — она не отстранилась, но и не прижалась.

Глава 3

А ночью…

Он так ее любил той ночью! Нежно, страстно, долго. Егор никогда с ней так не был. Ни в юности, ни потом. Саша обнимал, целовал, гладил — как святыню.

Она будто заново родилась в ту ночь, как будто все прожитые годы — тягостные, серые, безрадостные — вдруг смылись, и осталась только она, молодая, настоящая, забытая самой собой. И не было больше печей, коров, работы, стирки — лишь дыхание рядом, теплое, верное, будто обещание, что жизнь еще не кончилась, а только начинается.

И Зина, при всей усталости, при всей тошноте от дневной тягости и от вечерней новости вся растворилась в нем — тихо, всем телом, всей кожей, всеми тайными желаниями, которые годами глушила в себе.

Он шептал:

— Ты моя любовь, ты у меня одна. Лучше тебя нет никого. Люблю тебя до смерти.

И она верила. Потому что в эти минуты — он действительно был ее.

А утром, пока он еще спал, Зина вышла на крыльцо. Туман клубился над рекой, петухи кукарекали где-то за сараем. Сняла с веревки сухое белье, повесила сушиться выстиранное и вдруг поймала себя на улыбке — редкой, настоящей.

«Вот ведь чудеса, — подумала. — Сколько лет жила, трех детей родила — и не знала, что это такое счастье — с мужиком быть».

И снова Агафья тут как тут:

— Ну что, Зинка?

Зина лишь губы поджала и отвернулась. А бабка в спину шипит:

— Ага. Понятно. Вторую зарплату — и снова мимо. Ты его только кормишь да в постели греешь. А сам он тебе чево? Любовь? Да любовь, милая, не картошка ить. В чугунок не бросишь, да не сваришь. Детей не насытишь. Кормила ты троих малых. А теперь еще хряк у тебе? Аль боров? Не, видно, хряк все же. Ить мозг твой, Зинка, и голова давно уж ушли туда, пониже.

Мужик твой, ишть, от тебя кормится. Дык еще и дочку подкармливает. А у тебя что? Синицы в подоле? Эх, Зинка… С доброй ты душой. Да сердце бы тебе пожестче надо.

— Поздно уж, — усмехнулась Зина. — Что выросло, то выросло.

И обе рассмеялись — тихо, почти неслышно, будто не хотели спугнуть это редкое согласие между собой.

И в Зине вдруг зашевелилось:

«А правда… сколько можно жить одной ночью?»

Но и выгнать не смогла Сашу. Потому что выгнать его значило — будто кусок сердца вырвать.

…Когда школу достроили, все разъехались — кто к семье,

кто на новое место. А Саша остался.

Утром проснулся, прижал к себе:

— Зин, а я никуда. Ты — мой дом. Я тебя люблю.

Зина ахнула. Сердце как вспыхнуло. Сколько дней она ждала вот такого, простого: «Я останусь».

Сварила борщ, испекла лепешки, день был теплый, безветренный — будто сама погода благословляла.

Утром снова бабка Агаша тут как тут:

— Ну что, и остался твой любимый? Хорошо. Только гляди в оба, Зинка. Сладким мужским словом много чего закусывают…

Сначала Саша помогал по дому: носил воду, починил калитку. А потом — начал сутками лежать да стонать:

— Устал, Зин… Спину на стройке сорвал. Дай малость отдохну.

А еще сидел на завалинке, курил и слушал, как петухи орут. Зина проходила мимо с ведром — то воду несет, то белье. Смотрела на него боком: вроде бы дома мужик, а вроде и нет.

День, другой, неделя. Зина ворчала, но терпела. Ночами все так же нежный, все так же ласковый. Обнимает, держит, будто боится потерять.

…Как-то в воскресенье вдруг сказал:

— Зин! Слушай, а у меня план! Давай курятник расширим. Горбыль со школы остался, даром почти. Я сам пристройку срублю — теплый будет, на совесть. Мне там цып-

лят предлагают — пятьсот штук! Цена — сказка! В общем, почти даром. Мы их выкормим, к новому году в городе продадим — навар будет в пять раз больше. Деньги потекут рекой! У меня приятель есть. Всегда так делает. Серега. И машину купил, и дом.

Саша говорил с таким запалом, глаза горели, руками размахивал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.